

Исторический центр Волгограда: проблемы сохранения и развития

А.И. Лотник,
Архитектурное бюро «Мегаполис»,
Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

Город, по выражению современного французского архитектора Кристиана де Портзампарка, – «накопленное время... и место коллективной памяти». Коллективная память города, топографическая и пространственная стабильность – фундаментальные свойства, подтверждение существования его истории, хранилище культурных концепций. В историческом времени, в процессе взаимодействия социума и пространства, эволюционно кристаллизуются нормы, правила и стабильные смысловые иерархии города, без которых немислимо развитие его социо-культурной и пространственной среды.

Царицын-Сталинград-Волгоград относится к другой специфической категории городов, развитие которых происходило неэволюционно. История появления и развития его социально-пространственной структуры связана с изменением пространственно-смысловых кодов городской среды и поведенческих моделей горожан, адаптирующихся к изменениям в физическом и идеологическом пространстве. Волгоград – порождение не одной пространственно-смысловой схемы, а череды схем, их модификаций, отражающих различные стадии, скачки, переломные точки в развитии (т.н. точки бифуркации).

Один из первых важных переломных моментов в новейшей истории города – битва за Царицын между Красной Армией и армией генерала А.И.Деникина осенью 1918 г. Укрепление Советской власти, внедрение новых идеологических конструкций в социокультурную сферу, городское пространство и ландшафт, переименование в 1925 г. Царицына в Сталинград повлекло кардинальное изменение смыслов пространственной структуры города (смысловая точка бифуркации).

В 1929 – 32 гг. Сталинград становится экспериментальной площадкой по проектированию и реализации пространственных моделей социалистических городов будущего. Поиск новых моделей пространственной организации города следовал за преобразованиями в социально-экономической организации общества. Во всех проектных предложениях Сталинград рассматривался как линейно-пространственная структура, состоящая из автономных жилых районов. В основе концепции «Большого Сталинграда» – система расселения из пяти т.н. «соцгородов» (по сути, заводских районов), каждый со своей производственной спецификой. Концепция реализована частично. В начале 1930-х на юге

города возводятся Электростанция с крупной электростанцией (СталГРЭС), жилым и учебным комплексами. На севере, при тракторном заводе, строится промышленно-селитебный район – Металлгород.

К середине 1930-х, вместе с изменениями в политической структуре советской власти, начали постепенно меняться не только архитектурная стилистика, городские символы, но и структурная организация городского пространства, приспособляемая под тоталитарные идеологические схемы и директивы. Были «расчищены» многие площади города (со сносом храмов Св. Александра Невского и Иоанна Предтечи, Крестовоздвиженской, Скорбященской и многих других церквей). Общественные пространства были заполнены атрибутикой и символами другой, коммунистической, веры. Монолитный, контролируемый сверху, героико-романтический пафос коллективного жизнотворчества, сменивший естественное многообразие форм царичинской городской жизни стал доминирующим социо-культурным стереотипом.

Наиболее отчетливо этот пафос проявился в период восстановления (возрождения) Сталинграда после его тотального разрушения осенью-зимой 1942-43 гг. во время Сталинградской битвы (пространственная, физическая «точка бифуркации»).

В отличие от Плана Чикаго 1909 г., глобальная перестройка которого началась после Великого пожара, подлинным вдохновляющим мотивом возрожденческих усилий в Сталинграде явились утопии не общегуманитарные, а конкретные – социально-исторические и политические. С середины 40-х до середины 50-х гг. здесь создается «невиданный город-монумент» в честь Победы в Великой Отечественной Войне и во славу Вождя Народов. Город практически создается с нуля (*ex nihilo*). На восстановление Сталинграда директивно привлекаются лучшие архитектурные силы страны: Академики К. С. Алабян, В. Н. Симбирцев (первый главный архитектор города), Л. В. Руднев (автор здания МГУ на Ленинских горах, именно его вариант генерального плана центральной части Сталинграда был принят к реализации) и многие другие.

В основу структурных построений центральных ансамблей Сталинграда (Аллея Героев, проспект В. И. Ленина, Мамаев Курган и др.) закладывались пространственные коридоры для шествий и демонстраций, прототипами которых явились церемониальные дороги сакральных процессий в древних автократических государствах (Древний Египет, Греция, Рим). Планировочная структура, образно-пространственная система городского центра построена по классическим принципам на перпендикулярных осях: главной оси – «кардо» (Аллея Героев) и, перпендикулярного ей, «декумануса» (проспекта В.И. Ленина). Узлы композиционной структуры фиксировались крупными общественными зданиями: Дом Союзов, Главпочтамт, Дом Офицеров и др. Главным из них должно было стать

величественное здание Дома Советов на завершении Аллеи Героев. В силу известных политических причин (после смерти И.Сталина) ни один из вариантов главного здания города не был реализован. Идеолог борьбы с культом личности Н.Хрущев «отобрал» у Сталинграда Дом Советов и подарил его Польской Республике (проект Дома Советов для Сталинграда был разработан и затем адаптирован под Дом Науки в Варшаве тем же Л. В. Рудневым).

Пассионарный импульс развития Сталинграда начал угасать после смерти И.Сталина в 1953 г., и затем, во времена хрущевской оттепели. В 1959 г. город по инициативе Н.Хрущева был переименован в Волгоград и интерес верховной власти к нему постепенно ослабел. Грандиозный план реконструкции Сталинграда не был завершен. Тем не менее, восстановленный город приобрел иной, столичный» масштаб застройки (вместо 2-3 этажной - 5-7 этажную), более широкие и прямые улицы. Изменился его планировочный каркас, наследующий исторический, но имеющий более крупную сетку кварталов и т.д. Город восстанавливался по единому плану, единовременно, как единый ансамбль, с новой стилистикой и образным строем. Возрожденный в русле классической традиции с помощью мастеров архитектуры международного уровня Сталинград вошел в пространство европейской градостроительной культуры.

Архитектура тоталитарных эпох часто обречена на буквальное прочтение: в ней ищут доказательства и улики ложного пафоса и преступлений тоталитаризма. Понятия «сталинская архитектура», «сталинские квартиры» и т.п. в России всегда были лишены негативных политических коннотаций, а скорее, напротив, до сих пор ассоциируются с высоким качеством городской среды, общественных пространств и зданий, стандартов жилища. И дело, тут не только в высоких художественных и утилитарных качествах архитектуры на всех уровнях освоения пространства: от архитектурной детали до градостроительного ансамбля. Суть в ее онтологической универсальности. В универсальности ее базовых форм, которые античный мир установил в качестве вечных образцов и к которым восходят способы символизации пространства последующих архитектурных эпох. Одна из основных задач архитектуры в античном мире и в эпоху Возрождения была в том, что она «придавала форму» событиям и обстоятельствам. Великие исторические события: Победа в Великой Отечественной войне и возрождение Сталинграда были увековечены, «оформлены» архитектурно-пространственными способами, заимствованными из античных эпох и эпохи Возрождения. В архитектурных «возрожденческих» концепциях были использованы устойчивые, наработанные веками, символы и архитектурные знаки фиксации исторических событий. Эти конкретные

исторические события, городские артефакты и сам город (Сталинград) мы отождествляем с определенным историческим архитектурным стилем – стилем советского неоклассицизма.

Центр Сталинграда – материализация одной из самых великих социальных мистерий и ее пафоса. Сегодня его можно рассматривать как «тематический парк» (возникший за короткий период), как действующий памятник, «исторический аттракцион» (возможно один из самых последних в новейшем градостроительстве). Несмотря на всю его придуманность, «исполнение» по единому сценарию, трудно усомниться в его подлинности, историчности, натуральности мифов, образов, пространств и социальной жизни. В отличие от иных «придуманных» городов – по сути, явившихся результатом новомодных кураторских практик неурбанистического свойства: тематизации («дисснеефикации»), брэндинга, ребрэндинга, и прочих. Хотя в его архитектуре тоже есть сильный кураторский замысел и интрига. Центр Сталинграда-Волгограда – архитектурные декорации и сценография для массовых общественно-политических спектаклей, градостроительные инсталляции в которых зашифрованы городская история и мифология. Кто-то скажет, что это не шедевры. Возможно, это слишком обиходная, ремесленная трактовка классических архитектурных ордеров, античность и «возрожденческие» традиции поставленные на советский строительный конвейер. Но, в масштабах ансамбля и всего города это не так важно. Важен и ценен сам грандиозный пространственный спектакль, разворачивающийся перед городскими зрителями, (где детали отступают на второй план) – уникальный градостроительный прецедент и феномен, который история уже никогда не повторит.

Центральный ансамбль Сталинграда, будучи созданным и зафиксированным в определенную историческую эпоху, приобрел в дальнейшем общезначимую для горожан ценность главного локуса (центра притяжения) и места памяти. Монументальные ансамбли центральных площадей, предназначенные во времена тоталитаризма для строго регламентированных массовых действий, городское сообщество адаптировало в дальнейшем для разнообразных форм общественной жизни через различные модели и практики их освоения.

Современное поколение живет в эпоху кризиса общественного пространства, как логичный итог его приватизации, коммерциализации, тематизации. Грубые и порой катастрофичные архитектурные интервенции в историческую среду (застройка площадей перед Дворцом Спорта, Ворошиловским торговым центром, проектируемая застройка поймы р. Царицы, в центральном квартале №20, и т.д), отсутствие гражданской позиции и ответственности у городской элиты, профессионалов и городских жителей приводят к деструкции (разрушению) существующих общественных пространств. **Дефицит тонкого понимания функционирования локальных городских сред и просто ответственности,**

культуры и профессионализма у чиновников, бизнесменов, архитекторов делают все попытки по реконструкции существующих и созданию новых общественных мест малопродуктивными и зачастую безрезультатными.

Работа по выявлению тонких характеристик локальной городской среды и по созданию новых публичных пространств – деятельность сложная и деликатная. Здесь важно не путать места общего пользования с общественным пространством. Последнее возникает через совместные практики использования таких пространств горожанами, как следствие групповых и индивидуальных инициатив, которые объединяют горожан в различные формы публичного соучастия, в результате чего, кстати говоря, и возникает городское гражданское сообщество. Наши предшественники, воссоздавшие город после его тотального разрушения, это хорошо понимали. А как еще объяснить локализацию, концентрацию различных форм общественной жизни огромного города в нескольких кварталах городского центра, сформированных в 40-50-х годах XX в. в период восстановления, их популярность у всех социальных слоев, и прежде всего, у молодежи, поколения выросшего в другой исторической, идеологической и градостроительной эпохе? Не потому ли так популярны эти пространства, маршруты посещений, дифиле, пребывания на площадях и набережных исторического городского центра, что эти «архитектурные декорации» чуть ли не единственные места в городе для формальных и неформальных публичных «перформансов».

Естественные потребности городского жителя в публичном общении и общественных отношениях могут реализовываться только в аттрактивных для него местах, со специфической многокомпонентной средовой структурой, в которой должны обязательно присутствовать и отпечатки истории (память места «*memento loci*», и его дух «*genius loci*»), и специфический набор пространственных, архитектурных, художественных, функциональных составляющих. И здесь не может быть никакой утилитарной логики и простой арифметики. Все просчитать невозможно. Теория и практика маркетинга действует (и то – отчасти) только для закрытых пространств шоппинг-моллов (не потому ли потенциальные общественные пространства в городе застраиваются торгово-развлекательными центрами). Очевидно, так проще, из многотрудной, весьма затратной, и очень деликатной работы по созданию подлинных общественных пространств не извлечешь прибыли, здесь социальный эффект более очевиден, чем коммерческий. Поэтому общественные пространства «бизнес» не интересуют, «бизнесу» нужны коммерческие площадки, закрытые (лучше с одним городским порталом, т.е. входом-выходом – так удобнее контролировать и лучше распродавать), оставляющие снаружи, в реальном городском пространстве вакуум и запустение, зачастую разрушая островки живой городской жизни. Вспомним, что произошло с общественными пространствами и городской жизнью вокруг бывших: Центрального рынка

и Ворошиловского торгового центра, на улицах Советской, Комсомольской, Рабоче-Крестьянской, КИМ, Циолковского...вытеснение общественных зон и пространств и превращение их в паркинги и грузовые терминалы. Посвященным достаточно хорошо известно, что все формы общественной жизни в шоппинг-пространствах достаточно ограничены и специфичны. Они тотально контролируются и провоцируются, выстраиваются по маркетинговому сценарию. Их цель – заставить покупателя потратить деньги. Другие, некоммерческие формы общественной жизни, как правило, не рассматриваются. За благородными жестами социальных проектов: выставки, презентации, и т.д. скрыты те же цели – привлечь как можно больше потенциальных клиентов. Другие важные формы общественной жизни вытесняются. Шоппинг становится главной формой общественной жизни (как следствие, шопоголизм, шопомания – формы социальной истерии и шизофрении, вспомните страсти по распродажам и прочие коммерческие забавы).

В городе формируются новые стереотипы поведения и социальных контактов. Городское пространство уже не воспринимается как некий связный непрерывный континуум, оно расколото, стало дискретным. Перемещения по городу между офисом, домом и шоппинг-моллами происходят в основном на автомобиле (зачем тогда нужны общественные пространства?). Пешеходные тротуары стремительно захватываются автомобильными парковками. На смену вечерним публичным дифиле пришли (приехали) авто-party.

Силуэт, небесная линия города – визуальное проявление культурного ландшафта, естественно выросшего из природного. Сегодня, в визуальное пространство центрального ансамбля Аллеи Героев вторглись архитектурные массы банальных жилых высоток (из так называемой «заполотновской» части города). Constanta исторического центра, силуэт, вписанный в ряд хорошо известных урбанистических образов мира уже пострадал и может быть окончательно испорчен. Для инвесторов, девелоперов и, к глубокому разочарованию, обслуживающих их архитекторов, это не актуально. Чем вызваны равнодушие, бесчувственность, неуважение к прошлому, непонимание подлинных ценностей? Что касается иноземельных застройщиков, здесь все понятно. Для них «место» Волгоград – лишь коммерческая площадка. А как же местные элиты, гражданское общество, архитектурная общественность? Где их гражданская и профессиональная позиция, образование, культура, профессионализм, патриотизм?..

Современное население Волгограда и его городская культура на протяжении последних 90 лет формировались в результате сложения множества внешних влияний, исторических катаклизмов и практически лишены традиций. Постоянное замещение населения привело к тому, что память о прошлом сохраняется в основном краеведами, а не собственно

населением. Не отсюда ли исходит равнодушное отношение большинства горожан и профессионалов к искажениям и разрушениям в историческом центре Волгограда? Чуть ли не единственным носителем этой памяти является сам город. Его пространственная среда, артефакты – знаки памяти и истории места. Город, который большей своей частью существует не более 70 лет. И город, который уязвляется самими горожанами...

Центр Волгограда – и есть его подлинный уникальный брэнд (который мы все лихорадочно пытаемся найти), который стремится заместить (читай «уничтожить») архитектурный мусор – так называемая «современная» архитектура, главный агент в глобальном процессе «гомогенизации» городских сред, стирания индивидуальных средовых различий. Чем новые коммерческие постройки в центре Волгограда отличаются от построек в других городах? Все тот же, интернациональный язык посредственной и, порой, откровенно низкопробной коммерческой архитектуры (прецедентов хорошей архитектуры на российских провинциальных площадках пока мало) – упрощенный, примитивный вариант (своего рода, глобальный «слэнг»), возникший на базе словаря архитектурных форм, разработанного пантеоном так называемых «международных архитекторов»...

Жива была когда-то в центре Царицына река Царица – душа города, давшая ему Место и Имя, с живой водой, ветром, рыбой, птицами, десятками судов, больших и малых лодок, с активной жизнью на берегах... В 50-60-е, оскорбительно обзвав Пионеркой, горожане замыли ее песком, превратив в грязный, замусоренный овраг в самом месте рождения города... Но пока жива еще иллюзия прекрасного городского будущего с большим парком в пойме Царицы и с возрожденной материнской рекой. Хотя «свято место», как известно, «пусто не бывает»... И вот, готовится уже оно под застройку чем-то очередным... «сарайно-гипермаркетным» и «банально-дубаистым». Мы, местные(!) жители должны понимать, что Город, Место и Природа обязательно ответят этому экологическому бесчувствию и насилию взрывом экологических, социальных и прочих проблем.

Меняется средовая полярность в центре города. Не «новое в старом», а «старое в окружении нового», значительно превышающего его по массе (кучи аляповатого, яркого цветного архитектурного мусора, невообразимых стилесмешений из дешевых материалов облепили благородные тела ампирной застройки). Уже построены, несомасштабные историческому ансамблю жилые и офисные высотки на ул. Комсомольской. Зреют еще более «уместные» идеи точечной 35-45-ти (!) этажной многофункциональной застройки в кварталах исторического центра (которая просто «раздавит» их и разрушит весь ансамбль). Не говоря уже о транспортном и инфраструктурном коллапсах, санитарных условиях проживания (инсоляция, плотность застройки, уничтожение зелени) и прочих проблемах. Сюда же относится и реконструкция центрального рынка – превращение стильного

модернистского объекта эпохи 60-х (прозрачного, открытого городскому пространству, одного из самых активных мест общественной жизни в центре города) в заурядные торговые ряды городских окраин. Список примеров непрофессионального, бестактного отношения к исторической среде можно продолжать...

Исторической ткани в городе становится все меньше и меньше. А ведь без городской ткани, которую можно назвать «старой», настоявшейся, «намоленной», пусть даже искусственно состаренной – это уже будет другой, «чужой» город. Огромный город не может хранить символическое значение целиком, всей градостроительной массой. Что могут транслировать его клонированные спальные районы? Городская среда (а не шоппинг-моллы и бизнес-центры), и прежде всего, в сердце города – в его историческом центре, играет ключевую роль в сохранении и трансляции памяти города (его традиций, ценностей, смыслов), в полноценной социализации современных и будущих поколений горожан, в формировании местной («волгоградской») идентичности – важнейшего солидаризирующего фактора, объединяющего все имущественные слои, социальные, этнические группы, горожан и управленческие элиты. То, как распорядится городское сообщество: бизнес, власть, публичные лидеры самыми привлекательными и общественно-значимыми пространствами в историческом центре города напрямую связано с тем, как будет определяться идентичность и социально-экономическое будущее Волгограда.

Городу противопоказано уродство. Разрушенная, запущенная, деформированная среда не только неприятна глазу, она исключает приход денег – и больших, и малых. Потенциал красивого города как мощного долговременного инвестиционного ресурса недооценивается или, попросту, пока не известен местной элите и городскому сообществу. А ведь в наши дни многие градостроительные проекты создаются на частные инвестиции. Однако, частные инвестиции, способны быть эффективными для города, но не могут предложить общественные ценности и символы, выходящие за пределы частных интересов. Поэтому, требуется разработка принципов, преодолевающих противоположность частного и общественного и ведущих к новым моделям гражданского общежития. Исторический центр Волгограда, с его системой открытых общественных пространств и закрытых жилых кварталов был построен на этих принципах и сегодня способен адаптироваться к новым социально-политическим и градостроительным реалиям.

Центр должен принадлежать всем горожанам. Исторический центр надо объявить зоной неприбыльного развития, например, только театры, галереи, музеи... как это делается во всем мире. Необходимо решительно отвергнуть точечную застройку в виде отдельных коммерческих объектов. И никакого нового, так называемого «элитного» жилья в многоэтажных этажерках! Сохранение и реконструкция старого, которое со временем будет

становиться более дорогим. И безусловно, в центре должна оставаться торговля, как один из факторов социальной активности. Торговля, но какая? Уже сегодня передовые западные экономисты, маркетологи, социологи утверждают, что микрокоммерция на местном уровне будет торговлей завтрашнего дня. Но не гигантские шоппинг-моллы с загрузочными терминалами и парковками, уничтожающие огромные городские территории. Никто не отрицает важности существования коммерческих зон, но не как единственного типа общественных пространств и форм социальной активности.

География миграций городского населения показывает, что высокая социальная активность и разнообразные формы общественной жизни сконцентрированы в историческом центре Волгограда. Его пространство отличается связанностью и однородностью. Главные элементы – улица и квартал. Четко оконтуренная и артикулированная улица является и основным общественным пространством, и основным инфраструктурным каналом (транспортным и техническим). Здесь урбанистическая ткань не разорвана и мы воспринимаем ее как цельную среду. Остальное пространство растянутого города «проглатывается» при перемещении на транспорте между начальными и конечными точками маршрутов. Центр притягивает городских «кочевников», как место где хочется спешиться, пройтись пешком, влиться в публичное шествие и общение. Центр Волгограда – образец благоустроенных общественных пешеходных пространств, которые специально проектировались и создавались, а не рассматривались как пустота между домами. Эти пространства напрямую связаны с важным понятием «места» в городе.

С чего начинается индивидуальность города. С формы? С функции? С памяти?

Бесспорно то, что она заключена в событиях и знаках, закрепляющих события. Указаниями на это пронизана вся история архитектуры. Как и в другие моменты истории, градостроительство и архитектура сегодня стоят перед необходимостью стать «знаком» и «событием», чтобы фиксировать и конституировать новую эпоху. Есть ли у этой, современной эпохи «события», достойные фиксации и архитектура способная сделать их «знаками»? И смогут ли эти новые «знаки-события» заместить исторический центр в вопросе о ментальной и образной репрезентации города? По всей видимости, это вопросы пока только риторические...

В современной ситуации, когда за инвестициями в городское строительство стоит предельно утилитарная логика максимизации дохода, центр Сталинграда-Волгограда сохраняет свою миссию грандиозного архитектурного ансамбля, сильной идеологической конструкции и градостроительного жеста, отразивших эпоху, как напоминание инвесторам, чиновникам и архитекторам о том, что городское пространство – это ФОРМА, это ОБРАЗ, а

не только инфраструктура и утилитарные функции. Исторический центр – прототип, образец, камертон при создании новых городских общественных пространств.

Вопрос о том, каким быть Волгограду – не только социально-экономический, но и вопрос во многом политический, поскольку понятия Город-Победитель, поворотная точка мировой истории (глобальная историческая точка бифуркации) и деградация, дисфункция городского пространства и социальной жизни понятия взаимоисключающие по определению. Однако, эти и другие явления с приставкой «де» не теоретические предчувствия, а давно происходящие в городе всеразрушающие процессы.

Как выжить, устоять историческому ансамблю-памятнику в эпоху деморализации, падения нравов и вкусов, разрушения системы гуманитарных ценностей: уважения, любви к человеку, природе, истории, городу, пространству, среде обитания; сведения коллективного бессознательного к одному общему знаменателю – бессознательной коммерциализации и потреблению? Как можно противостоять энтропии ландшафта исторического центра: искажению силуэта и панорам, застройке любых пустот, сжиманию, уничтожению публичных и зеленых пространств, доминированию ландшафта потребления, плохой экологии? Городу срочно нужны реанимационные мероприятия, чтобы защитить его от экологического, социального, нравственного, (кстати, и транспортного) коллапса. Необходимы коллективные усилия внешних и внутренних экспертов, общественности, т.н. «стейкхолдеров»: всесторонний анализ проблем, концептуализация и генерирование идей, разработка стратегий и проектов. В рамках многокомпонентной работы необходимо говорить о сохранении семантической роли исторического центра как важной специфической задаче, от правильного решения которой зависит своеобразие и неповторимость города. Например, о сохранении (воссоздании) и ретрансляции его морфологии и масштаба, его структуры кварталов и улично-дорожной сети, непрерывного фронта фасадов по «красным» линиям бульваров, набережных и улиц. О ремонте, реставрации и деликатной реконструкции его уникальных зданий и средовых памятников (эпохи советского неоклассицизма и предшествующих эпох). Развивать неоклассический центр Волгограда – не значит возрождать и транслировать классицизм напрямую, а скорее обращаться к его конструктивной природе и тектонике форм, находить гармонию между ними, устанавливать взаимосвязь со сложившейся средой города, уделять внимание концепту центра, истории и замыслу всего ансамбля, использовать его архитектурно-градостроительный и исторический потенциал. Это и есть классический, ренессансный подход.

В середине 80-х московский архитектор и интеллектуал Б. Н. Еремин ввел в оборот новый, парадоксально звучащий термин *ретроразвитие* (развивать – возрождая и

возрождать – развивая), заключающийся в «целенаправленном возрождении утраченных историко-архитектурных ценностей города». Другие два метода, которые могут работать параллельно с первым, – *заповедование* – охрана и реставрация сохранившихся памятников и *генеративное развитие* – активное развитие городского ансамбля на основе генетического потенциала историко-культурного наследия.

Какие принципы, методы и подходы могли бы лечь в основание концепции развития-возрождения исторического центра Сталинграда-Волгограда наряду с юридическим оформлением его историко-архитектурной ценности (выявление и законодательное определение охранных зон, архитектурных и исторических памятников)? **Центр Волгограда по своей истории, генетике, сакральной природе, морфологии – самое сильное, главное место в городе. Сильное место должно хранить свои memento – память и историю; genius – дух, традиции и культуру; loci – место, пространство, городской ландшафт.**